

Павел Рудяков

ГУМАНИТАРНЫЙ БАЗИС УКРАИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

*В статье анализируются нынешнее положение дел в украинской гуманитарной сфере под углом зрения отказа от понимания ее как переходной, продолжающей пребывать в состоянии трансформации, с акцентом на кризисном характере этой сферы и на ущербности, гуманитарной политики государства. **Ключевые слова:** гуманитарная сфера, гуманитарная государственная политика, трансформационный этап, украинизация, региональные различия, персональные измерения.*

***Rudyakov P. Humanitarian Basic of Ukrainian Democracy.** The article «Humanitarian Basic of Ukrainian Democracy», written by Rudyakov Pavel analyzes the current situation in Ukrainian humanitarian sphere in terms of refusal to understand it as transitional, continuing to be in a state of transformation, with emphasis on the crisis character of this sphere and on the wane of humanitarian policy. **Key-words:** humanitarian sphere, humanitarian state policy, transformational stage, ukrainization, regional differences, personal dimension.*

Одним из широко распространенных и крепко укорененных постулатов (если не сказать — расхожих стереотипов) теории демократии является представление, согласно которому она — демократия, — хоть и представляет собой явление ни в коем случае не базисное, а сугубо надстроечное, теснейшим образом связана с экономикой. Принято полагать, что только в экономически развитых, стабильных обществах возможно демократическое устройство. Что касается конкретных цифровых параметров, то тут высказываются разные мнения. В соответствии с одной из точек зрения, к примеру, демократии ничто и никто не угрожает только в тех странах, уровень ВВП на душу населения в которых либо близок к 6 000 долларов, либо превышает этот уровень (З.Видоевич, И.Панков и др.).

Связь демократии и гуманитарной составляющей общественной жизни в плане выявления более-менее прямой зависимости первой от второй привлекает меньше внимания. Тем не менее гуманитарные основы демократического развития важны. Вне контекста

решения задачи «определения, создания, укрепления жизнеспособной коллективной идентичности» (К.Гирц), отличной от имевшей место на «додемократическом» этапе бытия нации, ни о каком действительном движении вперед по пути демократического развития не может быть и речи.

Мнение о том, что только в государствах и обществах со сформировавшейся, прочно утвердившейся национальной идентичностью и с развитой гуманитарной сферой демократия может быть именно демократией, а не ее имитацией, — вряд ли кто-нибудь возьмется опровергать. Хотя с его обоснованием вполне могут возникнуть определенные затруднения.

Понятие «гуманитарная составляющая» предлагается в данном случае толковать максимально широко, включая в него все то, что может быть выявлено в жизнедеятельности государства, общества, личности и что не может быть отнесено, во-первых, к государственно-политической, во-вторых, к производственной сфере, включая охрану здоровья, сферу материнства и детства, науку, образование, культуру, искусство, спорт, религию и церковь, информационное пространство, языковую сферу, охрану памятников и др.

Украинская демократия «провисает» с точки зрения и экономического, и гуманитарного базиса. В Украине в настоящее время как основные показатели экономического развития (включая те самые шесть тысяч долларов ВВП на душу населения), так и ключевые параметры состояния гуманитарной сферы далеки от тех, что принято считать достаточными для констатации успешности государства и его граждан. При этом, если в экономике хотя бы декларируется готовность к осуществлению радикальных реформ, то на плачевное положение дел в «гуманитарке» закрываются глаза.

Важнейшей предпосылкой понимания характера состояния гуманитарной сферы в современной Украине следует считать отказ от широко распространенного, приобретшего характер стереотипа, взгляда на нее как на явление трансформационного типа. Такой взгляд не отражает действительное положение дел. Переходный этап, обусловленный распадом СССР, а также особенностями постсоветского развития, в целом, завершен.

На сегодняшний день гуманитарная сфера Украины представляет собой феномен, практически полностью сформированный на новой основе, хотя при этом и сохранивший ощутимую преемственную связь с тем состоянием, которое было свойственно ему в рамках предшествующего — то есть, советского — этапа существования.

Есть все основания констатировать, что эта сфера, вместе со сферами экономической, политической, социальной и другими, уже вступила в следующий период своего развития.

Нынешнее состояние гуманитарной сферы в Украине правильнее всего было определить как кризисное. Что же касается ее специфики, то ее, в основном, определяют тенденции, позволяющие квалифицировать эту сферу как «посторанжевую», имея в виду, что преобладающая ныне гуманитарная составляющая базируется преимущественно на модели духовной культуры, предложенной либо непосредственно в рамках «оранжевого» периода украинского государственного развития, либо в той или иной связи с ним и в значительной степени в его русле.

Отбросив «оранжевый» политический проект, пришедшая к власти альтернативная «оранжевым» часть украинского политического класса и украинское общественное сознание сохранили целый ряд предложенных и устоявшихся именно в период 2004–2009 гг. идей, представлений, стереотипов, образов, мифов и в целом всего того, что определяет характер и особенности национального гуманитарного пространства.

Одним из них стало представление об исторически обусловленной неодинаковости и даже неоднородности украинской и русской гуманитарной сфер, о необходимости целенаправленного дистанцирования от всего того, что принадлежит к «русскому миру» и к русской культуре. В ряде случаев это представление приобрело характер явной или скрытой русофобии.

В русле тенденции оспаривания общности происхождения и исторической судьбы, близости языков, духовной и материальной культур русских и украинцев активно идет процесс кардинального переосмысления цивилизационной принадлежности последних с упором на, якобы, имеющих место существенных различиях украинской и русской ментальностей. При этом общая для них обеих опора на славянство и православие замалчивается.

Переоценке подвергаются, в первую очередь, три главные фактора, традиционно определявшие, а на уровне объективных реалий продолжающие определять, общность и близость украинцев и русских: принадлежность к славянству (и — уже — к кругу восточных славян), православие, а также общий для обеих наций советский этап истории в составе СССР.

В числе важнейших тенденций развития гуманитарной сферы следует упомянуть украинизацию, причем, как естественную,

объективно обусловленную, так и искусственную, навязываемую вопреки характеру и особенностям реальной жизненной ситуации и сопровождаемую элементами принуждения и насилия.

Украинизация дала определенные положительные результаты, хотя говорить о том, что она достигла того уровня, на который ориентировались ее вдохновители и организаторы из числа украинских государственных деятелей и политиков разных поколений, — вряд ли приходится.

Следует обратить внимание и на то, что украинизация сопровождалась целым рядом негативных явлений, таких, например, как падение уровня общей культуры заметной части населения, особенно молодежи, а также уровня культуры собственно языковой; существенное ослабление украинско-русского языкового взаимодействия, служившего одним из важных источников развития и обогащения украинского языка; внесение достаточно большого числа поправок и изменений в понимание исторического прошлого и основных особенностей и закономерностей его развития.

Представление о том, что современное украинское гуманитарное пространство продолжает оставаться составной частью «русского мира», до недавнего времени воспринимавшееся как нечто само собою разумеющееся, является, если не ошибочным, то весьма спорным.

За последние 8–10 лет процесс дистанцирования украинской «гуманитарки» от российской набрал обороты, дав на целом ряде направлений (в том числе тех, что входят в круг приоритетных) заметные результаты. Даже часть русскоязычной культуры в Украине (в том числе СМИ) в значительной степени автономна от «материнской» русской, не ориентирована на нее как на главный, а тем более, на единственный образец, не являясь, к тому же, пророссийской с точки зрения мировоззренческих, ценностных, эстетических основ.

Точных данных по процентному соотношению трех наиболее заметных сегментов национальной гуманитарной сферы — «пророссийской», «антироссийской», нейтральной в отношении России — на сегодняшний день нет (их получение, кстати сказать, путем социологических опросов и исследований следует считать одной из приоритетных задач). Если же верить оценкам, то в зависимости от региональной специфики количественные показатели уровня «пророссийскости» будут колебаться от 10–12% в западной части страны, до 30–40% в центре и 70–75% на Востоке и на Юге.

Государство уделяет гуманитарной сфере весьма незначительное внимание, отказываясь как от того, чтобы брать на себя ответственность за разработку и внедрение концептуальных основ национального культурного и гуманитарного развития, так и от того, чтобы на надлежащем уровне обеспечивать это развитие финансовыми, организационными и другими ресурсами. Недофинансирование практически всей «гуманитарки» приобрело хронический характер, превратившись чуть ли не в норму. Стремления к тому, чтобы изменить положение дел, не выказывал и не выказывает ни один из правящих режимов. На этом, если не принимать во внимание декларации, не сосредоточивает внимание ни одна из ведущих политических сил.

Государственная гуманитарная политика в Украине отсутствует. До сегодняшнего дня нет и сколько-нибудь внятной, четкой, последовательной концепции гуманитарного развития страны и нации. У многих наблюдателей сложилось устойчивое впечатление, согласно которому Партия регионов как ключевой и доминирующий элемент нынешней системы власти сознательно дистанцируется от проведения гуманитарной политики, пытаясь переложить ответственность за деятельность на этом направлении или на кого-то из коалиционных партнеров, или — как это ни странно — на ту часть оппозиции из круга национал-демократов и даже национал-патриотов, которая будет готова принять от ПР предложение об участии во власти.

Все или почти все происходящее в гуманитарной сфере строится на принципах и подходах, связанных с заимствованием как отдельных явлений, так и общих подходов из зарубежного опыта с той или иной степенью адаптации каждого из них к местным условиям.

В роли источника для заимствования выступает преимущественно европейское и, в целом, западное гуманитарное пространство. При этом в большинстве случаев заимствования осуществляются некритически. Этому в немалой степени способствует внедрение в массовое сознание тезиса о принадлежности украинцев к европейской цивилизационной общности, которая, кроме всего прочего, противопоставляется общности «неевропейской», «евразийской» или, иначе говоря, русской (как досоветской и советской, так и постсоветской).

Все то, что так или иначе предлагается от имени органов государственной власти, в его совокупности можно было бы квалифи-

цировать как «гуманитарный неолиберализм», на основе которого по умолчанию предлагается разрешать все без ограничений, независимо от того, что именно отдельные составляющие этого «всего» собой представляют, насколько они соотносятся с украинской национальной идеей и украинскими национальными интересами, каковыми могут быть их последствия.

Формирование общенационального гуманитарного пространства в настоящий момент сталкивается с серьезными трудностями. Есть основания констатировать, что в течение, по крайней мере, последних 10–12 лет происходит не сближение «гуманитарных физиономий» различных регионов, а, наоборот, их отдаление друг от друга, сопровождающееся, к тому же, в отдельных случаях нарастанием антагонизма в восприятии ими друг друга.

Вместо общего гуманитарного пространства наблюдается консервация стихийно сложившейся, ситуативно закрепленной совокупности отдельных макро-, микро-, минипространств, часть из которых не только не соотносится с остальными, но в ряде случаев пребывает в прямом конфликте с некоторыми из них. Фактором, еще более усугубляющим ситуацию, следует считать стремление к тому, чтобы вопреки здравому смыслу и логике культивировать конфликтность, возводя ее в ранг достоинства и даже важной особенности национального характера.

Значительно повышает уровень конфликтности и напряженности в гуманитарном пространстве неразбериха, царящая в сфере конфессиональной принадлежности и межконфессиональных отношений. С одной стороны, упорное нежелание государства определить и публично именовать основную, главную церковную организацию страны, с другой, — наличие, кроме греко-католической, римо-католической, мусульманской и др., нескольких православных церквей — УПЦ (Московского патриархата), УПЦ (Киевского патриархата), УАПЦ — создают весьма запутанную и противоречивую ситуацию, крайне негативно отражающуюся на всей гуманитарной сфере.

Не способствует гармонизации гуманитарной сферы в Украине ее политизация. По состоянию дел в настоящий момент нет практически ни одной гуманитарной темы или проблемы, которая бы в той или иной степени не находилась в зависимости от политических симпатий и антипатий.

Сдерживающее воздействие на гармонизацию гуманитарной сферы и преодоление кризисных явлений в ней оказывает все еще

остающееся аморфным состояние гражданского общества. В современной Украине его институты продолжают формироваться преимущественно «сверху», а не «снизу», то есть по распоряжению центральной и местной власти, а не по инициативе рядовых граждан.

Сеть неправительственных организаций (НПО) продолжает пребывать в стадии становления, не вполне отвечая запросам времени ни по количеству, ни, тем более, по своему «ассортименту» и качеству.

К числу основных особенностей гуманитарной ситуации в Украине следовало бы отнести:

– отсутствие внутренней как содержательной, так и формальной целостности (прежняя — украинская советская — целостность утрачена, новая — собственно украинская — не обретена), с одной стороны, порождающее разрозненность и разобщенность культурного и гуманитарного развития, с другой же, — приводящее к консервации этого отсутствия;

– культурно-историческая, языковая, конфессиональная разнородность и разрозненность регионов;

– эклектичность, проявляющаяся в том, что гуманитарную сферу составляют и определяют различные стихии-сегменты, такие как: постсоветская ностальгия, украинский этнофольклорный «фундаментализм», «новый» украинский фольклоризм, денационализированный масскульт евроамериканского образца, русофильство, «западничество» и др.;

– разделенность на отдельные составляющие, существующие и функционирующие в режиме несоотнесенности друг с другом, вне соотнесенности с национальной системой ценностных установок и поиском новой коллективной идентичности (эта разделенность проявляет себя как на общенациональном уровне, так и на уровне отдельных регионов, а также — на уровне разных поколений, различных социальных групп и пр.);

– стихийность (то есть неуправляемость и неконтролируемость, хаотичность существования и развития), усугубляемая и осложняемая отсутствием общенационального консенсуса по поводу исходных позиций;

– ограниченная субъектность, сопряженная с доминирующей объектностью — чрезмерной подверженности влиянию, преимущественном реагировании на внешнее воздействие при ограничении своих собственных интенций, добровольном подчинении их чужой воле и чужому примеру;

– политизация, проявляющаяся в наделении явлений гуманитарной сферы партийно-политической значимостью и их использовании в качестве инструмента политической борьбы, следствием чего становится деление национальной культуры и национального гуманитарного пространства на «своих» и «чужих» со всеми вытекающими отсюда последствиями;

– негативное влияние на процессы, протекающие в гуманитарной сфере, и тенденции, определяющие ее развитие, контекста, определяемого конфессиональной принадлежностью и межконфессиональными отношениями;

– присутствие эффекта «рассеянной» идентичности, то есть перевод в плоскость дискуссий представления об украинской национальной идентичности, ее исторических корнях и дальнейших перспективах;

– отсутствие общенационального консенсуса по целому ряду вопросов гуманитарного характера, усугубляемая все более отчетливо проявляющейся невозможностью его достижения;

– несформированность собственной традиции как основы для поисков оптимального пути дальнейшего развития (общепризнанным элементом национальной традиции можно считать, пожалуй, только Т.Шевченко, да и то с поправкой на то, что его творчество воспринимается предельно упрощенно, понимается весьма специфическим образом, а в ряде случаев даже откровенно искажается — осознанно или же по незнанию — и грубейшим образом адаптируется к задачам текущего политического момента);

– маргинализация национальной культуры, основанной на советской традиции, независимо от ее реального эстетического уровня и значимости, с выдвиганием во многих случаях на ведущие роли и акцентированием малозначительного, некачественного или недостаточно качественного с точки зрения эстетических критериев, второстепенного в контексте общего состояния национальной культуры и гуманитарной сферы и их отдельных сегментов (музыка, литература, кино, театр, наука и др.);

– коммерциализация и вестернизация.

Сохраняют свою актуальность, остроту и общественную значимость проблемы образования и языка. Они постоянно пребывают в фокусе как публичного обсуждения, так и политической борьбы. Их активно используют в ходе предвыборных кампаний, причем, политики и партии практически из всех частей политического спектра. Ни в отношении проблемы образования, ни в отношении

языковой проблемы достичь общественного консенсуса до сих пор не представилось возможным. Оснований для того, чтобы ожидать улучшения ситуации в кратко- и среднесрочной перспективе, нет.

В независимой Украине удалось, в целом, сберечь унаследованную от Украинской ССР систему высшего образования (заметно модифицировав ее, адаптируя к изменившимся условиям), что следует считать успехом и безусловным социальным завоеванием. Несмотря на это, в общественном мнении распространено представление о неудовлетворительном положении в сфере высшего образования, а также о неконкурентности украинской системы высшего образования на европейском и мировом уровне.

Что касается языковой проблемы, то ее следовало бы отнести к числу двух-трех наиболее актуальных и, к тому же, болезненных проблем не только общественной, но и политической жизни страны, о которой все много говорят, но которой никто не хочет заниматься по сути.

Языковая ситуация в Украине остается крайне сложной и запутанной. Это объясняется двумя главными факторами. Во-первых, политизацией языковой проблемы, во-вторых же, объективной сложностью решения задачи действительного утверждения украинского языка как государственного в условиях реального украинско-русского двуязычия и закрепленной длительной традицией исторического развития включенности значительной части территории страны в рамки «русофонии», то есть зоны преимущественного распространения и использования русского языка в качестве родного и служебного, а также главного инструмента обеспечения коммуникации во всех сферах и на всех уровнях.

Дополнительную сложность этой проблеме придает наличие в украинском обществе и в политическом классе, как минимум, двух — причем, взаимоисключающих — концепций организации и структурирования языкового пространства и его дальнейшего развития, а также двух концептов государственной языковой политики.

Система образования сталкивается с непростыми проблемами и испытывает серьезные трудности, пребывая, с одной стороны, в состоянии перманентной адаптации к быстро меняющимся условиям, а также к европейским образовательным правилам и стандартам, с другой, — будучи, по сути, предоставленной сама себе, не получая ни должной материальной помощи, ни надлежащей моральной поддержки от государства.

При этом адаптация, о которой идет речь, происходит в режиме наверстывания упущенного, что в значительной степени осложняет процесс, загоняя его в рамки хронического цейтнота и фактически обрекая на неудачу.

Изменения, происшедшие в национальной системе образования за годы независимости, касаются, главным образом, сути и формы учебного процесса как в начальной и средней школе, так и высших учебных заведениях. Среди них и снижение возрастной планки для первоклассников с 7-ми до 6-ти лет, и переход средней школы с десяти- на одиннадцатилетку, и введение 12-балльной шкалы оценки знаний школьников вместо 5-балльной, и внедрение параметров, предусмотренных Болонским процессом, в частности, кредитно-модульной системы, принятого в Европе и в мире разделения студентов на бакалавров и магистров, 100-балльной шкалы вместо 5-балльной и др.

Ни одно из нововведений не было воспринято ни специалистами, ни общественным мнением как однозначно позитивное. В отношении каждого из них высказывались сомнения. Некоторые из них продолжают вызывать явное и скрытое сопротивление, создавая достаточно реальные предпосылки для того, чтобы принятые по ним в свое время позитивные решения были пересмотрены на предмет внесения коррективов и даже возможной отмены.

Серьезным источником разного рода вызовов и проблем для системы образования остаются и продолжают с каждым годом неуклонно снижаться уровень и знаний, и общей культуры выпускников как школ, лицеев, гимназий, так и ВУЗов, а также невосребованность того огромного количества специалистов различных специальностей, которое готовится в настоящее время в государственных и частных учебных заведениях Украины. Дает о себе знать несоответствие квалификационной структуры подготовки специалистов с высшим образованием конъюнктуре рынка труда.

Вопреки настойчивым, хоть и несколько хаотичным и половинчатым, попыткам реформирования системы образования с целью приведения ее в соответствие с европейскими образцами, учебные заведения Украины за годы независимости не только не приблизились по качеству обучения к лучшим образовательным центрам Европы, Америки, Азии, но даже еще больше отстали от них по сравнению с советской эпохой.

Несмотря на все это, в центр общественно-политических дискуссий, так или иначе связанных с системой образования, ее

проблемами и задачами, перед ней стоящими, были поставлены, главным образом, вопросы языка обучения. Иными словами, возможность перевода всей национальной системы образования в целом и каждого из ее сегментов в частности на украинский язык как единственный государственный, а также вероятные негативные и нежелательные последствия этого шага.

Теснейшим образом соотнесенной с кругом вопросов, очерченных проблемой как можно более полной украинизации образовательного процесса, оказалась судьба русского языка и русской литературы как самостоятельных учебных дисциплин, игравшими в советское время в украинских учебных заведениях приоритетную роль. В новых условиях произошло весьма существенное уменьшение объемов изучения этих предметов в школах и вузах. Кроме того, изменился их статус: русский язык был отнесен к «иностранным», а русская литература стала всего лишь одной из составляющих в курсах «мировой» или «зарубежной» литератур.

В связи с переходом на украинский язык практически всей системы школьного образования, а также введением системы ЕГЭ в России украинцы потеряли возможность получать высшее образование в ВУЗах России.

Институциональная модель гуманитарной сферы за годы независимости претерпела едва ли не самые значительные изменения. Ныне она выглядит совсем не так, как выглядела во времена СССР, хотя формально целый ряд институций гуманитарного профиля и назначения продолжают существовать и функционировать.

Так, например, остаются в строю творческие союзы, однако, лишённые государственной поддержки и финансирования, они практически полностью утратили общественный вес и авторитет. Что же касается альтернативных объединений деятелей литературы, культуры, искусства, то ни одному из них так и не удалось подняться на уровень задач, определяемых временем. Заметно снизилась степень влияния на общественное мнение со стороны театров и ряда других гуманитарных структур, упал интерес общества к ним.

Из унаследованных из советских времен институций, которые продолжают существовать и сохранили за собой прежние место и роль в государственной, общественной, политической жизни, следует, в первую очередь, упомянуть Национальную Академию наук Украины. Ее голос (именно как институции), как и голос ряда ее институтов, слышен, к нему внимательно прислушиваются

как общество, так и власть. Рекомендации НАН Украины влияют на принятие многих серьезных государственных решений.

Значительно возросла роль социологических служб и независимых экспертно-аналитических центров различного профиля (как украинских, так совместных украинско-американских, украинско-польских, украинско-российских и др.), особенно же тех из них, кому удалось заручиться поддержкой СМИ и кто оказался «раскручен» больше, чем другие. Они сегодня в большой степени диктуют моду, формируют общественное мнение практически по всем главным вопросам.

Одной из новаций власти в этой сфере стало создание Гуманитарного совета при Президенте Украины, которому, судя по всему, предполагается придать функцию «головной» инстанции в гуманитарной сфере.

Судя по предварительной информации, можно ожидать уже в сентябре-октябре начала реализации по линии Совета нескольких крупных и амбициозных гуманитарных проектов национального масштаба («национальные проекты», о которых как об одном из приоритетов власть устами зам. главы Администрации Президента И.Акимовой уже заявила в сфере экономики). Это обстоятельство придает особое значение и особый вес возможным двухсторонним украинско-российским гуманитарным проектам.

С точки зрения персоналий, гуманитарная сфера в Украине представляет собой *tabula rasa* («нет пророка в своем отечестве»). Даже те представители этой сферы, кто сохранил авторитет и моральное право взять на себя роль духовного наставника нации, лишены возможности это сделать по тем или иным причинам. Среди главных таких причин следует назвать разрушение системы традиционных ценностей, девальвация морали, отсутствие соответствующего социального запроса, злоупотребление гуманитарной сферой в политических целях и др.

«Новые» авторитеты, если и появляются, то в подавляющем большинстве не отвечают тем требованиям, которые должны были бы предъявляться к такого рода личностям. Они, в основном, — искусственно создаются под тот или иной политический или общественно-политический проект и насильственно навязываются то ли обществу в целом, то ли отдельным его группам. Решающее значение для таких псевдоавторитетов в любом случае имеет политическая и «цилизационная» — или европейская, евроатлантическая, или пророссийская, «евразийская» — ориентация.